

Успение Пресвятой Богородицы

Мария Дегтярева

Приближается 28 августа – Успение Божией Матери. Это день Ее разрешения от земной жизни и перехода в Царство Невечернего Света. Кончину Пресвятой Богородицы Девы Марии называют успением потому, что Она «как будто на малое время уснула, и, как бы ото сна, воспрянула к вечной жизни».

Вся Ее жизнь на земле была необычной. В младенческом возрасте Она была избрана Богом для рождения грядущего в мир Спасителя. По откровению Божию первосвященник древней церкви ввел Ее крошечной Девочкой в особую часть Иерусалимского храма – Святая Святых. Туда, в Святая Святых, мог входить лишь сам первосвященник, после особого обряда очищения с чувством глубокого смирения перед Господом для принесения молитвы за народ. Эта же Девочка не нуждалась в очищении. С детства обученная молитве, труду и рукоделию, Она хотела посвятить всю Свою жизнь служению Богу.

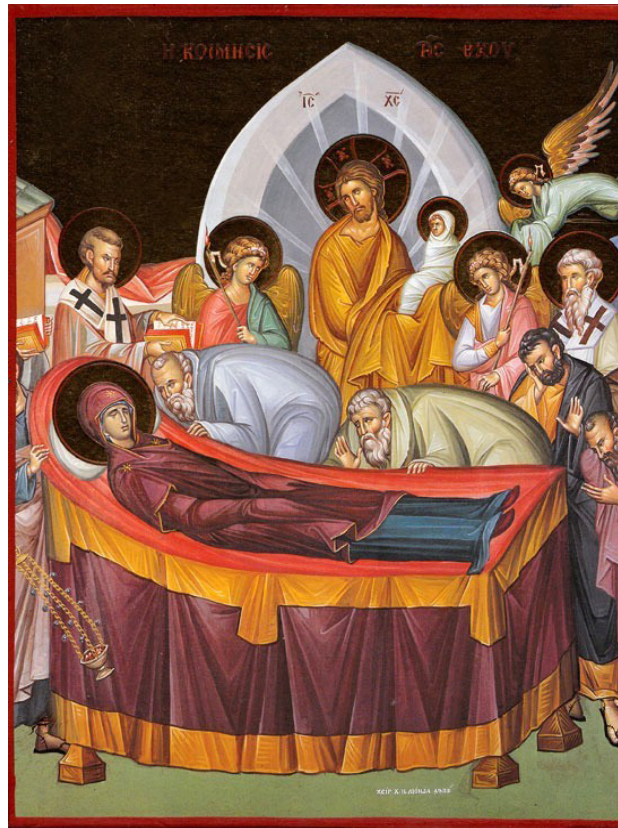
Девушкой Ее выдали замуж, как предписывал закон, но обрученный с Ней человек,

вдовец Иосиф, имевший от первого брака нескольких детей, зная об Ее желании жить в безбрачии, стал хранителем Ее чистоты. Происходившая из древнего священнического рода, Мария вступила под кров бедного дома плотника.

Чудо рождения Иисуса Христа – величайшее из чудес Господних. Дева стала Матерью воплотившегося Бога. Она стала хранительницей Христа в годы Его отрочества: по человеческому естеству Он нуждался в пище, тепле.

Дева Мария стала первой свидетельницей дел Христовых, спутницей и помощницей в годы Его проповеди. Вспомним известный евангельский эпизод – первое чудо, сотворенное

Господом в Кане Галилейской, когда по слову Матери на пиру бедняков Христос претворил воду в вино. Она знала о том, что Сын может совершить чудо и не случайно настойчиво просила Его об этом, повелев и служащим принести каменные водоносы, и сделать все по Его слову. Сила Божия была явлена Ей прежде других, однако до поры Она хранила

молчание. И только сострадание вызвало первую Ее мольбу о бедных.

Дева Мария разделила с Сыном и Его страдания. В юности священник Симеон предсказал Ей не только будущее рожденного от Нее Младенца, но и то, что Ей предстоит пройти путь отнюдь не бескорбный: *«И Тебе самой оружие пройдет душу»*. Чего только не было на этом пути: опасности, преследования от земных владык, опасавшихся за свою власть, тревоги за Сына, бегство в Египет, скитания в бедности, поношения от людей и даже от родственников, осмелившихся лишить Ее и Иисуса надлежащей им части наследства после кончины Иосифа-обручника. Но все эти беды не стоили той боли, которую пережила Она, стоя у Креста распятого Бога среди криков и гвалта толпы, глумлений и надругательств, когда отовсюду несло: *«Спасавший других, спаси Себя самого, сойди с креста!»*.

Что отличало Ее и что по сей день поражает каждого, кто впервые открывает для себя Ее жизнь, это удивительное терпение и кротость. Под сводами убогой хижины раздается Архангельское благовествование о рождении от Нее долгожданного Мессии, по вдохновению Духа его повторяет и первосвященник Симеон, а Она хранит слово пророческое в тайне, и только *«слагает глаголы в сердце Своем»*. Их жизни ищет Ирод; затем, годы спустя, фарисеи грозят убийством Ее Сыну, Она переносит все в молчании, веруя в непреложность обетования Господнего. Безгласно стоит Она и при Кресте, как будто нет вокруг кипящего моря человеческой злобы: ни сетований, ни упреков. По Воскресении Христовом, Она так же безропотно отправляется вместе с апостолами на проповедь Евангелия, становится для всех учеников Христовых Матерью.

Последние годы земной жизни Дева Мария, по преданию, провела в доме Иоанна Богослова на Сионской горе и часто посещала памятные для Нее места, освященные

присутствием Иисуса Христа, приходила молиться и на Голгофу, и на Елеонскую гору. И вот, в один из дней, Архангел Гавриил известил Ее о приближающемся часе Ее ухода из мира, что должно было совершиться через три дня.

Перед кончиной Она обещала собравшимся в доме Иоанна Богослова апостолам не оставить мира в сиротстве и подавать помощь всем, прибегающим к Ней в молитве, и завещала перенести Ее тело в Гефсиманию, туда, где провел последнюю свою ночь перед крестными страданиями Ее Сын. Безболезненным, мирным было Ее разрешение от земных уз. Глаза Ее уже видели Бога, и последними словами Ее было радостное приветствие, как в юности, когда Она получила благую весть о предстоящем рождении от Нее Спасителя: *«Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге Спасителе Моем...»*. В те дни в Иерусалиме к Церкви присоединились сотни людей, даже из числа бывших гонителей христиан. При перенесении Ее тела в Гефсиманию совершались исцеления и чудеса.

Всего через несколько дней апостолы стали свидетелями нового чуда. Тело Ее исчезло из гроба, остались лишь благоуханные пелены, а во время общей вечерней трапезы они вдруг увидели Деву Марию в воздухе в окружении ангелов. Она приветствовала их словами: *«Радуйтесь! Я с вами во все дни»*.

С тех пор Церковь празднует это событие. В нем все – воспоминание о земной жизни Божией Матери, грусть и радость, ведь это и день Ее рождения для жизни вечной, где Она поставлена выше ангельских чинов, день свидетельства о том, что обетования Господни непреложны, о жизни и о чуде Воскресения.

Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru

«Хожжение по водам», И.К. Айвазовский, фрагмент

Евангельское чтение

Хожжение Господа по водам (Мф. 14:22-34)

И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный.

В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали.

Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь.

Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде.

Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?

И, когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий. И, переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую.

Проповедь на Евангельское чтение

Протоиерей Вячеслав Резников

Страшно видеть нарушение привычного хода вещей. Страшно, когда бездействуют гражданские законы. А уж когда перестают действовать законы физические, в сердце начинается неопишуемая паника. Вот и Апостолы, когда увидели Господа, идущего по воде, *«встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали»*.

А между тем, что более соответствует истине: верить в твердую незыблемость материи и ее законов, или помнить, что все текуче и призрачно, что все готово в любой миг разверзнуться, поглотить, сжечь? Тем более, Сам Господь сказал, что некогда так и будет, что *«вдруг... солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются»* (Мф. 24, 29). И это может произойти в любой момент, и никому не открыто о временах и сроках.

Как и самую землю, по свидетельству Писания, Бог чудесно *«повесил... ни на чем»* (Иов.26,7), так и всякий человеческий шаг есть чудо. Потому что ходим мы даже не по воде, но над огненной бездной.

Но когда Бог приоткрывает нам эту правду, то каждый шаг становится еще и чудом веры в Того, Кто *«не попустит вам быть искушаемым сверх сил»* (1Кор. 10, 13). Потому что далеко не каждый может сразу вынести всю правду. Петр думал, что сможет, и сказал: *«Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И вышед из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня»*.

Каким же твердым должно быть основание нашей веры, тот дом, в котором нам предстоит жить, и тот камень, который лежит в его основании! Апостол пишет о строительстве этого дома: *«Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание»*, то есть открыл истину, возвестил все, что нужно знать для спасения. *«А другой строит»* на этом основании, помогает истину усваивать.

«Но каждый смотри, как строит».

Вот эти слова особенно надо запомнить. **Мы – Божий народ, а не стадо.** Каким бы мудрым и знающим ни казался наш «духовный строитель», – **конечная ответственность лежит на каждом из нас. И каждый обязан проверять всякое услышанное учительное слово и Священным Писанием, и общецерковным преданием, и соображением разума, и голосом совести.** Чтобы никакой волк в обличии пастыря не мог *«положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»*.

Ведь не кому-то, а самому тебе идти по мосту твоего спасения через бездну твоей гибели. И поэтому **ты обязан все сделать, чтобы быть уверенным, что очередной твой шаг не будет в пустоту, и что спасительный Крест Христов всегда будет твоей опорой.**

www.mepar.ru

Первые шаги в православном храме. Как правильно перекреститься

Е.В. Тростникова

Еще на подходе к храму принято налагать на себя крестное знамение – креститься. Удивительно, сколько людей делает это неправильно или небрежно!

Крестное знамение – наше свидетельство о распятии Христовом; оно во всех обстоятельствах жизни употреблялось еще первыми христианами. Этот священный и страшный знак исполнен великой силы, и употреблять его следует четко, внимательно, без малейшей небрежности.

Три первых пальца правой руки (большой, указательный и средний) складывают вместе, в знак нашей веры в Единую и Нераздельную

Пресвятую Троицу. Безымянный палец и мизинец пригибают к ладони, что знаменует два естества Господа Иисуса Христа (что Он есть истинный Бог и истинный Человек).

Теперь тремя сложенными пальцами со словами «Во имя Отца...» мы прикасаемся ко лбу, в знак освящения ума, затем, со словами «...и Сына...» – к низу груди (и даже чуть ниже груди, к области пупка, чтобы начертанный на теле крест получился пропорциональным, а не «перевернутым») в знак освящения сердца, затем, со словами «...и Святого Духа!» – к правому и левому плечу, в знак освящения дел рук наших и всех телесных сил. ►

Наконец, опустив руку и поклонившись, говорим: «Аминь». (Когда крестное знамение сопровождает другую молитву, эти слова, конечно, не произносятся.)

Налагать на себя крестное знамение следует так, чтобы чувствовать прикосновение собственной руки (а не «крестить воздух»), а поклон полагать лишь после того, как прикоснулись к правому и левому плечу (не «ломая крест» до того, как он начертан).

Вначале сложенные персты поставляются на лоб, для освящения ума; затем на чрево, в область солнечного сплетения – для освящения чувств; после этого – на правое, а затем левое плечо, освящая телесные силы. Опустив руку, совершаем поясной поклон. Почему? Потому, что только что изобразили на себе Голгофский Крест, и поклоняемся ему. Кстати, еще одна распространенная ошибка – поклон одновременно с крестным знаменем. Делать этого не следует.

Крестное знамение сопровождает верующего повсюду. Мы крестимся, вставая в постели и ложась спать, выходя на улицу и входя в храм; перед едой крестимся сами и осеняем крестным знаменем пищу. Крест Христов освящает собой все и вся, и поэтому изображение его верующим на себе спасительно и душеполезно.

«И вот каждый из нас, кто вступает в храм, должен бы остановиться у притолоки, перекреститься благоговейно, внимательно, наложить на себя крест, сказать: я – Христов, и я в какой-то хоть малой мере несу на себе крест распятия. Распятия в том смысле, что я отрекаюсь от всего того, что является злом, неправдой, нечистотой, что безбожно, что недостойно ни меня, ни Самого Христа, отдавшего за меня Свою жизнь...

Крестное знамение надо совершать сознательно, с благоговением. Это не просто пустой привет, который ты отдаешь Богу, это исповедание твоей веры. Если

бы немой человек оказался перед опасностью смерти от гонителя и ничего не умел сказать о своей вере, он мог бы поднять руку над головой, показывая крест: вот во что он верит. Поэтому класть на себя крест надо благоговейно, сознательно: я действительно верю и прошу Бога освятить и ум, и нутро мое, и Свою крепость дать моей немощи. Одновременно я верю в Его помощь и как бы держу знамя Его войска, открыто заявляю, что я Христов, что я верующий.

Перекрестившись, мы кланяемся. Мы все знаем, что значит поклониться: склонить голову или стать перед кем-нибудь на колени и до земли поклониться. Когда мы просим у кого-нибудь прощения от всего сердца, когда мы не можем слов найти, когда разрывается душа о том, что – ох, как бы я хотел выразить до конца свою скорбь о том, что я человека унизил, оскорбил! – мы становимся перед человеком на колени и кланяемся ему земно. И так мы кланяемся перед Богом; и не обязательно только прося прощения: мы как бы повергаемся ниц, падаем на колени перед Его величием. Этот поклон до земли – не раболепное движение, это движение предельной любви, предельного преклонения перед Кем-то, Кто так велик, так свят, так любим, так дивен и прекрасен» (Антоний, митрополит Сурожский. «Войду в дом Твой...»).

*Публикуется в сокращении
«Первые шаги в православном храме»
Е.Тростникова. М., 2007 г.*

Уныние: Найти силы или пропасть

Игумен Нектарий (Морозов)

Один из самых распространенных грехов нашего времени – уныние. То самое, которое погружает человека в какую-то беспросветную тоску, стесняет его сердце, представляет жизнь серой и скучной. То, которое расслабляет волю, лишает сил, приводит к состоянию, напоминающему паралич. Убеждает, что ни в чем нет смысла, ничего не выйдет, что ни делай, а потому и делать не надо. И словно прикладывает к тебе какую-то страшную печать отчаяния, безнадежности: «Не спасись...».

И я не удивляюсь, когда раз за разом слышу на исповеди признание: «Батюшка, я не знаю, как мне быть. Я опять унываю!». И не только потому, что уже привык к этому. Но и потому еще, что нередко могу совершенно честно ответить: «И я тоже». Правда с одним небольшим, но существенным отличием: как быть, как справиться с этим состоянием, я знаю. И значит, если хочу, то снова справлюсь – с Божией, конечно, помощью. А я хочу...

Отчего оно вообще наступает – уныние? Иногда в него погружает самое стечение обстоятельств – тяжелых, удручающих душу, «фатальных». Нередко к нему же приводит цепь постоянных неудач (впрочем, кого-то в уныние может вогнать и одна-единственная, причем не особенно серьезная неудача). Порой оно является следствием сильной усталости, как физической, так и душевной.

Но если говорить о нас, людях верующих, то мы, помимо всех вышеперечисленных причин, зачастую унываем уже не столько от чего-то внешнего, сколько... от самих себя. Унываем оттого, что мы такие немощные и маловерные, оттого, что так удобопреклонны ко греху, так часто падаем, так часто приходим на исповедь с одним и тем же – словно под копирку ее пишем. Унываем оттого, что

год за годом очень мало изменяемся к лучшему. Хотя потому-то и не изменяемся почти, что унываем...

Очень не хватает нам бодрости душевной, мужества настоящего христианского, ощущения себя не несчастной преследуемой врагом и невзгодами жертвой, а воином Христовым – пусть и терпящим подчас поражение, страдающим от ран и даже обращающим-

ся зачастую вспять, но воином все же. При чем видеть можно, как удобно рядится эта наша слабость в одежды «покаяния», «плача о себе», «богоугодной печали».

Правда, «покаяние» это приводит не к исправлению, а к какой-то страшной заикленности на грехах, обращенности к ним, которая не помогает с ними расстаться, а, наоборот, как бы примиряет с ними, убеждает: от них не избавиться. А плач не очищает душу, не делает ее светлее и мягче, но, напротив, истощает, обессиливает, лишает способности радоваться. И печаль совсем не похожа на богоугодную, поскольку к Богу не приближает и ревности ко спасению не прибавляет. Да и чудно было бы добрых плодов ожидать ►

от того, что само плодом уныния является.

Я часто вспоминаю (стараюсь вспоминать), когда набегают на сердце облачко уныния, способное в одно мгновение превратиться в мрачную, черную тучу, преподобного авву Аполлоса. Патерик повествует о нем, что когда примечал он кого-либо из братии своей смущенным, унывающим то никогда не оставлял этого просто так, но немедленно вопрошал его о причине смущения и каждому обличал его сердечные тайны.

Он говорил: «Не должно быть печальным тому, кто предназначен к получению Небесного Царства. Да будут смущенными еллены! да плачут иудеи! да рыдают грешники! а праведники да веселятся!». И всегда меня это воспоминание утешает, радуется, помогает от «облачка» освободиться.

Да, слов нет, к праведникам себя причислить трудно, что там – невозможно! Но разве можем мы и от предназначенности к Небесному Царству отречься, увериться в том, что для нас оно недостижимо? Если так, то что в нас христианского останется? Где тогда надежда на милость Божию, где вера в Его любовь?

Мне и другой эпизод из Патерика часто на ум приходит – тогда более всего, когда совсем на душе непросто бывает. Об ином преподобном отце, к которому пришел как-то старый солдат, чего только не натворивший за долгую и страшную, наверное, жизнь свою. И что сказал, чем укрепил его сердце святой старец? Простым, но таким красноречивым сравнением...

– Ведь и ты не выбрасываешь свой старый плащ, как бы ни был он изрублен и изодран, но чинишь, штопаешь его, снова надеваешь,

потому что он тебе дорог. Так почему же ты думаешь, что Господь отвергнет тебя, хотя бы и был ты весь в прорехах и ранах греха?

...Так это отрадно – чувствовать себя этим ветхим, рваным, но снова починенным плащом. И быть уверенным, что и тебя не выбросят, не отринут, не отвергнут. Почему уверенным – да потому только, что наша неверность верности Божией не упраздняет. Он всегда верен. Всегда любит, никогда не оставляет, никогда не отнимает надежды.

А еще помогает справиться с унынием другое – не патериковое совсем. Понимание помогает простого такого факта – можно всю жизнь в этом тлеюще-унывающем состоянии провести и оттого ни жизни, ни света белого, Божьего не видеть. И так досадно от этой мысли становится, такая злость на уныние появляется, что убегает оно куда-то.

Бывает, конечно, и так, что наваливается оно как-то настолько сильно, настолько люто, что чувствуешь: еще немного – и раздавит тебя, и сил сопротивляться нет. И тут тоже помогает не патериковое вроде: у тех, кто напал на тебя, нет жалости, они не устают, они последовательны и усердны. И твои стенания о том, что нет сил, что ты «ничего не можешь», лишь раззадорят и воодушевят их. И выбор-то прост по сути: или найти силы, или пропасть. Вот и выбирай!

...Это, разумеется, все свои, человеческие средства. А разгоняет облака и тучи лишь Солнце Правды, Господь. Но когда? Только тогда, когда тянешься к Нему – из тех самых сил, которые кажутся последними.

www.pravmir.ru

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*
Художник: *Наталья Сажина*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru